

Ирина

Горюнова

Современная русская литература: знаковые имена

(статьи, рецензии, интервью)

Александр Ткаченко.
Алексей Дидуров.
Тимур Кибиров.
Эдуард Кочергин.
Вадим Левин.
Захар Прилепин.
Иосиф Райхельгауз.
Дмитрий Быков.

Захар Прилепин.
Валерий Казаков.
Дина Рубина.
Евгений Степанов.
Евгений Евтушенко.
Роман Виктюк.
Андрей Коровин.
Сергей Костырко.
Иосиф Райхельгауз.
Марина Палей.

2011

Ирина Стояновна Горюнова
**Современная русская литература: знаковые
имена (статьи, рецензии, интервью)**

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3947965*

*Горюнова И. Современная русская литература: знаковые имена (статьи, рецензии, интервью):
Вест-Консалтинг; Москва; 2012*

Аннотация

Ясно, ярко, внятно, рельефно, классично и парадоксально, жестко и поэтично.

Так художник пишет о художнике. Так художник становится критиком.

Книга критических статей и интервью писателя Ирины Горюновой – попытка сделать слепок с времени, с крупных творческих личностей внутри него, с картины современного литературного мира, представленного наиболее значимыми именами.

Дина Рубина и Евгений Евтушенко, Евгений Степанов и Роман Виктюк, Иосиф Райхельгауз и Захар Прилепин – герои книги, и это, понятно, невыдуманные герои. Тем ценнее жанр литературоведческого pop fiction, выбранного для своего сборника Ириной Горюновой.

Содержание

Статьи и рецензии	4
Монументальный «совпис» и метафизические прозрения Леонида Леонова	4
Странный рыцарь ушедшей эпохи	7
Страшные сказки для президента	9
АКТуальные тексты Валерия Мишина	10
Время поэта	12
ПЫШУ СТЕХИ, или Блаженны нищие словом...	14
Война двух миров на солнечной стороне улицы	16
Портрет современника глазами поэта	18
«Что такое хорошо, и что такое плохо?», или Негламурный Степанов	23
Евтушенко сегодня...	24
Пророческие сны	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ирина Горюнова

Современная русская литература: знаковые имена (статьи, рецензии, интервью)

Статьи и рецензии

Монументальный «совпис» и метафизические прозрения Леонида Леонова

*Захар Прилепин «Леонид Леонов. Игра его была огромна». М.: Молодая гвардия, 2010.
(Серия «Жизнь замечательных людей»; вып. 1427)*

Захар Прилепин в своей новой книге о Леониде Леонове утверждает, что «игра его была огромна»: игра с жизнью, Сталиным, литературой... «Мир непомерный» этого писателя еще предстоит изучать и изучать. Многократный орденосец, лауреат Сталинской премии, Леонов, тем не менее, не просто автор «советских» «производственных» романов – его проза, особенно ранняя, толком еще и не изучена, да и сами романы не поняты.

Книга, безусловно, интересна, хотя бы тем, что Прилепин не пытается приукрашивать биографию автора, нивелируя те или иные его поступки, совершенные под давлением Сталина или под влиянием собственных страхов.

Судьба Леонида Леонова имеет две стороны: с одной – раннее признание маститых писателей (например, Горького), перевод его книг на все основные языки мира, массовое издание и переиздание книг, огромное количество научных работ, диссертаций, статей о его творчестве, с другой – запрещенные к постановке пьесы, растерзанные рецензентами романы, отсутствие крупных публикаций в печати в течение полувека, непризнание литературной значимости писателя кругом маститых литераторов...

Он прожил без малого век, век страшный и интересный. Судьба сталкивала Леонова со Сталиным, Вангой, Есениным, Горьким, Шолоховым, Булгаковым, Набоковым... Он оказал огромное влияние на творчество Виктора Астафьева, Юрия Бондарева, Валентина Распутина, братьев Стругацких, но при этом жизнь его все равно для многих остается тайной. «Будучи в возрасте патриарха, – пишет Прилепин, – Леонид Леонов сказал как-то, что у каждого человека помимо внешней, событийной, очевидной биографии есть биография тайная и ненаписанная».

Никаких особых тайн, впрочем, Прилепин не открывает. Вряд ли можно считать шокирующим секретом то, что Леонов – бывший белогвардейский офицер, не испытывающий особого трепета и почтения ни к Белой, ни к Красной армии.

Первые, да и последующие опыты стихотворного словотворчества Леонова откровенно слабы и появляются в печати только благодаря тому, что отец Лени редакторствует в архангельской газете «Северное утро». После закрытия этой газеты по материальным причинам, отец Лени, Максим Леонов, открывает другую – «Северный день». Юный Леонов

осваивает профессии журналиста, корректора, наборщика и театрального критика, пишет практически обо всем, включая некрологи.

Судьба начинает благоволить к юному писателю, начавшему писать прозу, даже после прихода Красной армии – он получает предложение стать сотрудником газеты «Красная весть». Везет ему и потом, когда он становится сотрудником дивизионной газеты «На боевом посту», или когда инструктор политотдела, бывшая княжна, Софья Александровна Аргутинская-Долгорукая вычеркивает фамилию Леонова из «расстрельного списка» – списка офицеров, по которым проводилось расследование. Список везений начинающего писателя можно продолжать довольно долго – но лучше прочитать книгу самому. Впрочем, добавлю только, что Леонову повезло влюбиться в дочь издателя Сабашникова – Татьяну. Нет-нет, никаких корыстных «расчетов» у молодого Лени не было, просто так сложилась судьба.

Оценивать фигуру классика такого масштаба сложно, а судить и вовсе невозможно. Многие писатели вынужденно или добровольно ставили свои подписи под «расстрельными» списками «бывших» товарищей. Леонову зачастую удавалось уклоняться от исполнения подобного «долга», хотя и не всегда. Прилепин пишет: «Леонов в разные годы века бывал и очарован, и оглушен, но никогда он не был раздавлен и унижен настолько, чтобы опуститься до бесстыдной подлости».

Один из самых известных романов Леонида Леонова, «Русский лес», вышел в 1953 году и сначала буквально был растерзан критиками, а, спустя некоторое время удостоен Ленинской премии. С одной стороны, «Русский лес» – роман «непроехимо советский», с другой – благодаря Леонову проблема сохранения леса вышла на первый план. Варварское отношение к лесопользованию в угоду планам пятилетки приняло глобальный масштаб, и Леонов, к тому времени депутат Моссовета, не мог не обратить на это внимания. Леонид Максимович ввязался в настоящую войну, приобретя многочисленных врагов, писавших на него жалобы в самые высокие инстанции (например, Васильева, заместителя директора Института леса Академии наук СССР). Прилепин пишет, что «Русский лес» – настоящий подвиг Леонова, особенно учитывая постановление ЦК партии (в ноябре 1953 года) о ликвидации отставания лесозаготовительной промышленности. В определенном смысле роман «выхолощен» и картина советской жизни чрезмерно идеализирована, однако писатель вынужденно пошел на подобные действия и использовал «бесконечные трафареты социализма» для того, чтобы роман все-таки вышел в печать. В данной ситуации оказалось, что тема выше художественности. О «томительном ощущении внешней фальши» в романе говорили Александр Твардовский и Корней Чуковский. «Слишком много в романе полупоклонов советской власти, – пишет Прилепин, – которые Леонов делает малоспособной к гибкости шеей и не самым искренним словом». Что ж, всем свойственно ошибаться и кто посмеет осуждать Леонова?

В 1994 году Леонид Леонов издал свой последний роман «Пирамида», вышедший в не самое удачное время для литературы: падали журнальные и книжные тиражи, и оценить роман по достоинству было практически некому. «Пирамида» имеет подзаголовок «роман-наваждение» и начинается с двух тем, волновавших писателя: присутствие Бога в нашем мире и Россия в пору великого социального эксперимента.

«Леонов рассказал однажды, что импульсом к последнему варианту написания «Пирамиды» стал вопрос: «Может ли человек обвинять Бога?». Думается, этот вопрос так или иначе волновал или волнует всех мыслящих людей. И Леонов не исключение.

Роман-игра, роман-обманка, наваждение – самая большая игра, которую оставил нам в наследство Леонов. Впрочем, это тема для отдельного разговора.

Книга заканчивается описанием сноса Старо-Федосеевской обители и пожаром. Что это: крушение веры, когда в итоге остается только пепелище, или сожжение наваждения и надежда на новое возрождение?

Ответ требуется искать самостоятельно.

Следует сказать, что, взявшись за жизнеописание слегка подзабытого советского писателя, Прилепин действительно взвалил на себя немалую ношу – Леонов прожил без малого сто лет (95). Удалось ли ему это? Скорее да, чем нет, и Прилепин старается описывать классика беспристрастно, показывая не только плотность его текстов, прозрения и удачи, но и его некоторые «прогибы» перед властью, невнимание к семье, творческую ревность по отношению к другим писателям... Безусловно, Леонов, в исполнении Прилепина, является человеком неоднозначным, сочетающим в себе «орденоносный, монументальный совпис» и трагичность умнейшего писателя, загадывающего загадки своими многоуровневыми сочинениями. В общем, книга получилась прелюбопытнейшая, отражающая метафизические пророчества Леонова, его еретические трактовки отношений Бога и человека, его предвидение последствий эксперимента с «перестройкой».

Странный рыцарь ушедшей эпохи

Александр Файн *«Прости, мое красно солнышко»*. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2009

Книга Александра Файна «Прости, мое красно солнышко» содержит две повести: «Мальчики с Колымы» и «Прости, мое красно солнышко», а также два рассказа: «Чистая душа» и «Дуська». Честно говоря, аннотация к книге меня не порадовала, и если бы я не догадалась полистать книгу, то вряд ли села бы писать эту статью. А книга-то оказалась завораживающая! Мальчики с Колымы, женщины с Колымы... Сколько разбитых и порушенных судеб, сколько чудовищных изломов!.. Жить или выживать, стучать или сесть самому, затаиться или выстоять? Можно ли судить за минутную слабость женщину или мужчину? Каждый из вас без греха? Кто первый бросит камень?..

Герои Файна, люди трагических судеб страшных 37-х годов, искалеченные морально и физически жертвы лагерей и ссылок, кинутые в жертвенный зев во имя мировой революции и грядущего торжества коммунизма. Какой ценой воздвиглась социалистическая империя? Чем за нее было заплачено? Уж не одной слезинкой ребенка... и не двумя...

Прежде всего проза Александра Файна привлекает тем, что он не стремится подражать известным мастерам прозы, а имеет свой писательский стиль, полный искренности и простоты. Глоток первозданной свежести среди литературских произведений, полных амбиций, — это замечательно, ведь именно в этой свежести и чувствуется настоящий масштаб личности, неважно, говорим ли мы о «Мальчиках с Колымы» или о «Прости, мое красно солнышко». Кстати, вторая повесть по силе восприятия ничуть не уступает первой. Отношения между мужчиной и женщиной, судьба того, кто долго выбирал, и той, которая осмелилась любить, не взирая ни на что... Почему? Почему мужчина зачастую боится сделать шаг, рискуя потерять единственную и самую главную любовь своей жизни?

Я проживаю эту книгу вместе с автором и понимаю, что в нем, Александре Файне, есть нестигаемый стальной стержень и чуткая ранимая душа, а еще... некий рыцарский кодекс, усвоенный в детстве, кодекс настоящего мужчины.

Современная литература, да и драматургия пожалуй тоже, облюбовали стиль антропофобной брезгливости к человечеству. Вывернуть, выпотрошить маленького человечка и с легкостью выкинуть его на помойку как несоответствующего естественному отбору — вот фирменный стиль многих. Как говорится: ура! Они именуют себя элитой, посещают модные тусовки или декадентские салоны и рассуждают о гламуре и количестве заработанных у. е. В теории новой классовой (а скорее, кассовой) борьбы книга Александра Файна обречена на неуспех. Там нет философских размышлений и абстракционистских путешествий души в поисках гармонии во время полового акта (например), нет загадочных драм меж пошлейшего стриптиза души и тела... Скромность и деликатность нынче не в чести, господа, не вкусно...

Куда уж автору угнаться за героями мыльных опер или иронических детективов, или даже за столпами современной интеллектуальной литературы! Слишком прост. Да-с. Ничего не поделаешь. Впрочем, каждой книге свое место и свой читатель.

На самом деле нужно понять одно: социалистическая Россия все же не была исключительно империей доносов и предательств, неотступного страха, лжи и доносов, там были люди чистые, сильные, самоотверженные, болеющие за свою Россию и ее судьбу. Не пытайтесь обвинить меня в выпренности, ее нет и в помине, а впрочем, у нас, господа, демократия, и соответственно, имею полное право на выражение своих мыслей вслух или письменно. Когда я слышу, как кричат про социалистическую гниль и вырождение, мне хочется

поморщиться – окидывая взглядом нынешнюю действительность и втягивая носом воздух... В общем, вы понимаете...

Отыскивая необходимую точку опоры в современном мире, воспитывая ребенка, я подбираю себе и дочери книги, которые, как кирпичики, ложатся в систему познания и формирования личности. Книгу Александра Файна, в отличие от многих, я оставляю на полке.

Страшные сказки для президента

Валерий Казаков «Холопы». Роман-дурь. М.: Астрель; Владимир: ВКТ, 2009

Валерий Казаков – автор весьма примечательный для нашей современной литературы прежде всего тем, что с 1996 года находится на госслужбе: Совет Безопасности РФ, Администрация Президента РФ – это лишь малая толика, далеко не очерчивающая всего круга занятий загадочной фигуры этого писателя. Секретарь правления Союза писателей России, член Союза журналистов – чем больше узнаешь информации, тем меньше ты понимаешь, как эти вещи сочетаются в одном человеке, достаточно сильно и гармонично сплетаясь и создавая образ мужественного и одновременно интеллектуально образованного человека. Думаю, стоит упомянуть, что кроме писательства и чиновничьей работы Казаков взвалил на себя еще часть дел по работе международного Пен-Центра после безвременной смерти его директора Александра Ткаченко в декабре 2007 года.

Читателям Казаков уже известен по роману «Тень гоблина», вышедшему в 2008 году в издательстве «Вагриус», а также по книгам «Прогнутые небеса», «Асфальт и тени», «Записки колониального чиновника», «Сон в бессонницу», книге публицистики «Разбитое сердце Карабаха» и поэтическому сборнику «Философия звука».

Неудивительно, что человек, находящийся на госслужбе, задумывается о путях развития нашей страны, о том, что ждет ее лет через пятьдесят, к примеру. «Холопы» – своего рода роман-предупреждение, сатира на современную политическую действительность, и сатира едкая. В Сибруссии, одном из трех оставшихся в мире государств, правит Президент-Император, Преемник Шестой. В этом государстве весьма узнаваемые нравы и крепостнические порядки сливаются в одну страшную картину лихого чиновничьего произвола, действующего заодно с бандитами-лиходеями, «прячущимися» в лесах.

Образы, списанные с современной действительности, до боли похожи на тексты Салтыкова-Щедрина с его сказками, страшными сказками, рассказанными на ночь. Только вот жаль, что, скорее всего, не читают нашим президентам подобных сказок их жены, пресс-секретари, нянюшки... А стоило бы... Гротеск Казакова только на первый взгляд кажется преувеличенным. Постепенно, шаг за шагом проникая в ткань романа, мы с ужасом узнаем современную действительность и начинаем соображать, что именно мы и преображаемся потихоньку в так называемых холопов.

Несмотря на то что сам автор определил этот роман как роман-дурь, многое в нем наводит на серьезные размышления. Сосуществование личности и социума порождает порой чудовищные симбиозы, страшные в своем простодушном насилии и ощущении незыблемой правоты. Привычные тезисы о несправедливом устройстве общества коренятся прежде всего в том, что некоторые души тянутся к холопству, лизоблюдству и лицедейству. Оно становится практически органичным и оттого еще более страшным. Загляните в себя, прежде чем сетовать на гнет властей и мироустройство, перестаньте разводить руками, печально констатируя: «Мы маленькие люди, что же мы можем?», потому что именно тогда и только тогда возможно изменить направление хода государственного аппарата, ползущего прямоком в Сибруссию 2057 года.

АКТуальные тексты Валерия Мишина

Валерий Мишин «Улитка ползет по склону». Стихи, – СПб.: АКТ, 2007. – 64 с.

Попалась мне на глаза любопытная книжечка «Улитка ползет по склону» Валерия Мишина, «Собрание Актуальных текстов», 2007 год, Санкт-Петербург. И эта книжечка натолкнула меня на некие размышления, коими я, собственно, и хочу с вами поделиться.

Что такое поэзия? Ни для кого не секрет, что кроме силлабо-тонической системы стихосложения существуют также верлибр и много различных вариаций авангардной, футуристической поэзии, на сегодняшний день весьма и весьма распространенной. Не могу сказать, что являюсь ярким поклонником подобных жанров, но стремлюсь не отвергать огульно такие тексты, а понять, что же за ними скрывается. Философские размышления о жизни? Стремление к эпатажности? Поиск новых путей и форм в поэзии для наилучшего выражения смысла, ощущений, познания мира?

Книга Мишина вызвала у меня стремление разобраться в этом, поскольку наряду с текстами, которые я не приемлю в силу их излишней эпатажности, бесстыдной обнаженности и, на мой взгляд, порой и пошлости, есть там какое-то цельное и чистое зерно, которое хочется очистить от плевел.

Валерий Мишин явно человек думающий, созерцательный, наделенный талантом и некоей прозорливостью, отличающей истинного поэта от графомана, хотя его «улиточный сюрреализм» может воспринять не каждый. Но, словно песок в стеклянной колбе часов, пересыпаются, перекачиваются слова, добавляя их песчинка за песчинкой, и вырастает песчаный замок стихотворения. Я не зря привела именно это сравнение, потому что, кажется, подует ветер, унесет одну строчку – и весь смысл разрушится, исчезнет и останется нечто невразумительное. Сложно в такой ситуации приводить отдельные четверостишия в качестве примера, хотя кое-где и возможно. Человек начитанный, интеллектуальный, живущий в мире искусства, что видно по его строкам, Мишин, тем не менее, использует грубоватые приемы привлечения внимания публики:

беру твой указательный палец
И ногтем удаляю грязь
Из-под ногтя моего указательного пальца

поди знай
Что лучше
Понос или авитаминоз

Сосед сверху протек в третий раз
У него это вроде месячных

Я понимаю иронию автора на современную действительность, но все же такой способ изображения реальности в поэзии мне глубоко чужд, и это не ханжество, отнюдь – это мое стремление к прекрасному мешает мне, я не хочу писать мир подобными красками. Раньше поэтам служила муза – я боюсь и подумать, какой внешний облик сегодня у этой богини... Представьте его сами.

Тем не менее вот стихотворение, посвященное Геннадию Айги, совершенно великолепное, умное, тонкое:

Опять захотелось
Осторожно
Краешком глаза
Выглянуть из подмышки слона

Прилетела птичка
Устроилась на ветке
Увидела меня
Зрачок в зрачок
И испугалась

Слон как бы не в счет
Страшно от нацеленного
И такого же испуганного взгляда

Жалко птичку
Совсем маленькая
Боязливая
Чем ей помочь

А кто поможет мне

Вдруг представил себя птенцом

Прилетела птичка
Принесла что-то в клюве

– ешь дорогой
Не кричи
Я рядом

Закрыв глаза и почувствовал
Что вываливаюсь из гнезда
Спохватился и полетел

Полетел

Ощущение мира, ощущение себя малым сим, прозорливое ощущение, что в слабости есть сила, – свежесть и чистота восприятия весенним дождем льется на сердце. Интересны также стихотворения «Облако спустилось вниз», «А далее была любовь», «Прежде предпочитал ходить перпендикулярно горизонту», «Выброшенные через забор старые рваные штаны» и др. Противоречивость текстов, словно на весах вечности, – от прозрений до пошлости, в коей прозрений-то, собственно, не меньше... Разгадка очевидно в том, что это собрание АКТуальных текстов, где актуальность несколько отходит на второй план, выдвигая АКТ на первый. Насколько это продуктивно, целесообразно и даже коммуникабельно – решать читателю, сегодняшнему ли, завтрашнему... Я лишь высказываю сугубо индивидуальную точку зрения, и мне немного жаль того, что поверни, казалось бы, еще чуть-чуть грань стихотворения – и оно бы заблестело другим блеском, засияло другим знанием, другой ипостасью. Ну, нет так нет, на все воля творца.

Время поэта

Виталий Амурский «Тетрога теа». Франкфурт-на-Майне. Литературный европеец, 2007 г.

Новая книга Виталия Амурского «Тетрога теа», вышедшая в серии библиотеки журнала «Литературный европеец», пронизана тонкими нитями философских раздумий: о покинутой им родине, о поэзии, литературе в целом, об искусстве, об отношении к миру и взаимоотношениях с миром, о душе, о чем-то тайном, нашептанным в ночи неумолкающей музыкой.

Где-то печальные строки полны воспоминаний и тоски
Потемневшие вывески:
«Парикмахер», «Портной»...
Полетать бы над Витебском,
Как Шагал молодой.
В мягкой вате тумана
На вечерней заре
У стогов Левитана
Полежать на траве.

В тесной кухне московской,
Под сухое вино,
Поболтать о Тарковском
И о польском кино.

Это уходящая эпоха могикан манит к себе своей величием и силой, разворачивая плечи в узком пространстве московских кухонь и коридорах памяти, заставляя и самому себе выставлять собственный счет, оценивать жизнь и выбранную дорогу:

Пока еще не пробил час финальный,
Учись ценить, что даровал нам Бог:
Провал небес и избранность дорог,
И суету квартиры коммунальной.

Потрясающе искренни и виртуозно безыскусны строки Виталия Амурского, рисующего осень. Создается ощущение прозрачности, одухотворенности, визуальности художественного мазка мастера, который пишет свою неповторимую, не похожую на другие яблочную осень:

Золотистая, с легкой охрой,
С белым инеем по утрам за окнами,
С ветерком, обнажающим деревья кроны,
С туманами, дождиками или без оных.
Кисло-сладкая. Яблочная. Печальная.
С пирогами вчерашними да грузинским чаем,
С лужами, на которых ледок хрупок,
С дымками над крышами, как у стариков из трубок...

Льется и льется искусная вязь слов, увлекая за собой в патриархально-импрессионистскую чувственную осень прошлого, такую сказочную и недостижимо прекрасную.

Размышления о природе сменяются наблюдениями за человеческой душой, практически за тождественностью человека и природы, схожестью их нравов:

В душе, как в храме, легкий мрак стоит.
Такой же, впрочем, как стоит снаружи,
Где через парк подвыпивший старик
Бредет, не замечая грязь и лужи.

И прорывается крик души, ностальгия по родине русского поэта, который, и живя в Париже, одном из самых красивых и лиричных городов мира, плачет откровенными словами, роняя драгоценные слезы полузабытых видений:

И грустное, и смешное не возвращается заново,
А нынче над Парижем то звезды осыпаются,
как известка,
То что-то бормочет дождь губами Губанова,
То из времен иных Поплавский маячит
в венце из воска...

В строках поэта слышится русское наследие многих мастеров слова ушедших веков. При этом Амурский обладает исключительной силой собственного неповторимого стиля, хотя за его глубиной и исключительным даром мелькают тени Аполлона Григорьева, Иннокентия Анненского и многих других. Но многогранность и творческая неуемность заставляют поэта идти дальше, создавая философские граффити, наполненные потоком сознания и потрясающей графикой пророческих снов-откровений:

Страна глухонемых. Тетрадка в клетку.
Стихов – признаний – ряд. Нелепы сны.
Поставь в бутыль обломанную ветку.
Быть может, лепестки увидишь до весны.

Полынно-горьки обнажающие скорбь строки Виталия Амурского, посвященные памяти поэта-авангардиста Геннадия Айги:

Помотался по миру русской речи виртуоз-сверчок.
Из Московии в путь последний собрался домой —
Нынче всем молчок,
Шапки долой.

Поэзия Амурского – это сама жизнь во всей ее многогранности и многоликости, оркестровом звучании и соло. Горькая, вымученная, рожденная с болью и любовью к этому миру во всех его, порой неприглядных, проявлениях. Это время звучания слов, доносящихся через расстояния, как полет звука и света в космическом пространстве, летящих к этой земле. Авось долетят. Будут увидены. Услышаны. Поняты. Прочувствованы. Пока у поэта хватает «веры в слово, как в чудо».

ПЫШУ СТЕХИ, или Блаженны нищие словом...

Владислав Дорофеев «Вечерник». Авторский сборник. СПб.: Коло, 2007.

Звонит мне тут на днях главный редактор и говорит:

- Ира, мне нужна рецензия на книгу стихов в следующий номер журнала.
- Без проблем, – отвечаю, – схожу в магазин, куплю.

Заезжаю в один из крупнейших магазинов «Москва», и в мои руки попадает книга Владислава Дорофеева «Вечерник», выпущенная издательским домом «Коло» в 2007 году в Санкт-Петербурге. «Ну, ладно, пусть будет эта, – думаю, – какая разница, значит, судьба». В сведениях об авторе написано, что он поэт, писатель, журналист, работал главным редактором и директором ряда СМИ. Согласитесь, это о чем-то говорит и предполагает, что автор – человек достаточно культурный, талантливый, интересный.

По дороге домой листаю книгу, пытаюсь вчитываться в строки и прихожу в ужас. Предисловие, написанное лично автором, с самого начала запутывает своей псевдорелигиозностью и обилием повторяющихся слов, хаотичностью мыслей и перескакиванием с одного предмета на другой, а также чрезмерной пафосностью и многословием. Вот, например: «Поэзия – высшее из искусств, по одной простой причине, образ – это всегда азарт истины и ближние подступы к мировым законам... в основе поэзии – библейский язык небесного откровения, которое дается только людям крайне, предельно жертвенным, коими всегда были пророки, а в православной классификации – святые, преподобные отцы...» М-да, господа, неужели уважаемый автор претендует на звание пророка, пиша духовные стихи? И к чему такие высокопарные слова о поэзии? Ну ладно, в конце концов, у каждого свои недостатки, как говорил один небезызвестный миллионер в фильме «В джазе только девушки». Оставим в покое предисловие с его выражениями «ратная брань на жизнь и смерть», «хаос и бренность», «блаженны нищие духом» и т. п. и перейдем, наконец, к поэзии.

Первое же стихотворение приводит меня в ступор:

Монашеская песня (рапсодия)
Туман опустился ранний —
Тревожно, как никогда,
Холодно мне, и, израненного,
Тянет меня со двора,

Стелется тонкое марево —
Тенью полощется крест,
Золото лунное валится —
Валится к нам с небес,

Звери безликие тянутся —
Тянутся стаями вслед,
Круг совершен без жалости —
Грех превращается в бред.

Вот уж действительно, прости Господи, бред. Ну, начнем с того, что вряд ли израненного человека будет тянуть со двора, из дома, не пойми куда, ему бы в кровать или на худой конец к врачу... И как может крест полоскаться? Это что – тряпочка? Вроде бы нет, гм. Какие

звери, почему безликие, куда тянутся, что за непреходящий кошмар? Это что, ночь перед Рождеством? И почему грех превращается в бред? Судя по всему, контакт автора с реальным миром весьма и весьма затруднен, раз у него так все... непросто... Читая дальше, понимаешь, что не только со смыслом и восприятием бытия – с рифмами автор тоже не особо дружен, а иногда их попросту не существует: «никогда-двора», «марево-валится», «крест-небес», «тянутся-жалости», «сна-дня», «нежной и-надеждой», «душа-свеча», «гроз-звезд» и т. п.

Смушают меня также строки: «Стебли икон безвозвратно в тело мое прорастут», «Бьется в могильной раме сердце Угодника Николая», «Под невидимой луной пахнет потом и мочой», «Отказавшись от отцов, никогда не видел снов, – гадкий маленький горбун, импотент и подлый лгун», «Под брутальной звездой мой народ рожден лихой», «Все святые хороши – ты уж с ними не греша», ну и т. д. Короче, что ни строка, то перл... да еще какой!

Я понимаю, господа, что вы уже корчитесь от хохота, но тут есть одна проблема. Все это было бы очень смешно, когда бы не было так грустно. Книга продается в одном из центральных книжных магазинов города Москвы, и купить ее может любой покупатель. Цена вроде невысокая – 120 рублей, хотя для кого как, материальные средства у всех разные. Но если вы подаете нищему в метро 10 рублей, то это не значит, что вы готовы выбросить 120 рублей в помойку, а кроме как туда ее определить некуда. Подарить для хохмы Андрею Дементьеву на Новый год? Можно конечно, но он таких графоманов, думаю, пачками уже читал и рыдал над великим и могучим русским словом, используемым таким образом.

Проблема графомании и цензуры, на мой взгляд, становится на сегодняшний день в нашем обществе весьма актуальной. Нельзя же, в самом деле, позволять печатать всем кому не лень подобные вирши, да еще и продавать их так, чтобы любой мог купить подобного плана продукцию. А что если представить себе, что такую книгу купит какой-нибудь известный западный критик или, не дай Бог, она переживет века, и потом по этой книге потомки будут судить о качестве литературного процесса в начале XXI века? Поверьте, это ужасно. Я вовсе не сторонник тоталитарного государства и полной подконтрольности печатных изданий правительству, но можно же хотя бы проверять авторов на какое-то психическое здоровье или обязать директоров книжных магазинов отслеживать подобного плана макулатуру? Ладно, коммерческое издание книг не налагает на издательство никаких ограничений, рынок-с, понятное дело, «загреб бабло» и хорошо... Но неужели надо вот так, когда «блаженны нищие духом», а кроме того еще и словом? Тут уже даже не идет речи о поэзии... и, знаете, мне, пожалуй, не смешно, мне очень страшно и больно.

Война двух миров на солнечной стороне улицы

Дина Рубина «На солнечной стороне улицы». М.: ЭКС-МО; 2007.

Книга Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы» вошла в шорт-лист премии «Большая книга». Это уже обеспечивает читателю надежду и дает какой-то гарант того, что читать это стоит. И действительно, Дина Рубина довольно высоко подняла планку, шагнув на какой-то качественно новый уровень, уровень интуитивный, чувственный, смакующий воспоминания в закоулках своей памяти. Ее ругают за эту книгу и хвалят. Кто-то считает сюжетную линию слабой и непродуманной «слезовыжималкой», насквозь фальшивой, особенно потому, что хэппи-энд с миллионером Леней не вписывается в этот роман, совсем отличный от обыкновенных лав-стори, так же как и мать – глава местной наркомафии. Но это все неважно. Суть в другом. Роман Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы» не об этом – он о городе детства – Ташкенте. О том воздухе, которым дышал автор, атмосфере, которую больше никогда не вернуть, о той ностальгии, что выросший человек испытывает, желая вернуться туда, в свое детство, на солнечную сторону воспоминаний, чтобы еще раз вкусить тех плодов, горьковатых и терпких плодов памяти.

«Я позабыла тот город, он заштрихован моей угрюмой памятью как пейзаж – дождевыми каплями на стекле. Не помню названия улиц. Впрочем, их все равно переименовали. И не люблю, никогда не любила глинобитных этих заборов, саманных переулков Старого города, ханского великолепия новых мраморных дворцов, имперского размаха проспектов. Моя юность проплутала этими переулками, просвистела этими проспектами и – сгинула. Иногда во сне, оказавшись на смутно знакомом перекрестке и тоскливо догадываясь о местонахождении, я тщетно пытаюсь припомнить дорогу к рынку, где ждет меня спасение от позора. Я не помню лиц соучеников, и когда где-нибудь, в Сан-Франциско или Ганновере, в зале ко мне подходит некто незнакомый и, улыбаясь слишком ровной, слишком белозубой улыбкой, говорит: – вспомни-ка школу Успенского, – я не помню, не помню, не помню!

Тогда почему все чаще, возвращаясь из Хайфы или Ашкелона домой, поднимаясь в свой иерусалимский автобус и рассеянно вручая водителю мятую двадцатку, я глухо говорю:

– «... в Ташкент»...?»

Ташкент – южный город со своей неповторимой атмосферой, живой и колоритной, необыкновенно яркой, более свободной, чем в других городах в то время. Ташкент – город художников, воров, наркоманов, бандитов, еврейских бабушек и диссидентов... Многоликий, многонациональный...

Дина Рубина своим романом пытается оживить этот город, сейчас, увы, изменившийся до неузнаваемости, и надо сказать, что это ей великолепно удается. Описание улиц, базаров, характеров, самого колорита эпохи великолепно настолько, что хочется по капле цедить эти воспоминания как драгоценное вино. Но это еще не все. При всей лихости и закрученности сюжета с его убийствами, смертями, ненавистью и любовью – это все живое, дышащее, не похожее на сериалы мыльных опер, хотя бы потому, что в конце романа героиня находит в своей душе сострадание к матери, человеку, причинившему ей очень много зла. Она возвращается и прощает ее, а та словно ждет ее, не может умереть, не попрощавшись, не поняв, что ее простили. Искалеченные войной судьбы – это остропрямое осознание не только греховности человека, но и необходимости прощения, умения смотреть внутрь, вглубь, в душу самого бытия.

Война двух миров – вот составляющие романа Дины Рубиной. Это война и мир, война матери и дочери, война Кати с окружающим миром за место под солнцем, война... война... война... Война с воспоминаниями, с городом, который есть, вместо того, что был...

Описания Рубиной, ее слепки эпохи, словно своеобразные открытки цвета сепии, драгоценные, состаренные. Не зря тема открыток и картин-воспоминаний проходит через весь роман. Это то, что осталось: мгновенные вспышки, еле уловимые, едва прочувствованные...

Протяженность и объем, воздушность и прозрачность – так можно охарактеризовать эту книгу. И совсем не важно, какие сюжетные линии где пересекаются и что многие пласты были заложены в прежних книгах Рубиной, и использован ее любимый прием – игра в автора и героя, alter ego друг друга. Важно другое, что книга эта состоялась, что она чувственна и роскошна, что необузданный солнечный кентавр детства будет нестись по страницам книги, заражая читателей мечтой о Ташкенте, помогая всколыхнуть в своих уголках памяти драгоценные капли эликсира времени. Похищенная страна детства, похищенная войной и невзгодами, становление творческой личности художника в эту сложную эпоху, семья, которой не было, все те перипетии, мучения, душевная и физическая боль, через которую придется пройти, здесь удивительно перекликаются с книгой Эдуарда Кочергина «Ангелова кукла». Абсолютно разные, они объединены одной точкой отсчета – жизнью художника в послевоенное время, становлением личности в тех условиях, когда это просто невозможно. Неисповедимы пути господни... Но Господь бережет пьяных, блаженных и художников, потому что без них этот мир невозможен. Почему? Попробуйте найти ответ сами.

Портрет современника глазами поэта

Евгений Степанов «Портрет». М.: Вест-Консалтинг, 2006.

Есть категория людей, чье необъяснимое желание понять, прочувствовать и пережить прочитанное, пропустив через себя все невзгоды, лишения или, наоборот, прожить минуты счастья и любви, ниспосланные автору и лирическому герою вместе, связано не столько с какими-то определенными установками, сколько со свойством характера.

Я отношу себя именно к таким людям. Поэтому ничего удивительного не было в том, что именно так была прочитана прошедшая сквозь меня, иначе не скажешь, книга стихов Евгения Степанова под ставшим для меня знаковым названием «Портрет».

Сборник включает в себя стихи, написанные за долгий период времени – самое раннее датировано 1981 годом, позднее – 2006-м. Книга объемна. Объемна во времени и пространстве. Слишком противоречиво и беспокойно было время, в которое писались эти стихи, слишком обширно было пространство, вместившее в себя два континента, как два полюса, внутри которых парила в то время мятущаяся душа Евгения Степанова.

Поэтому совершенно не случайно все стихи в сборнике имеют точную дату своего рождения – время в книге занимает важное место, хотя расположены стихи в книге не в хронологическом порядке. Это позволяет, пусть даже насильственно (в конкретном моем случае), не отождествлять автора с лирическим героем. И наоборот. И все же, все же – невольно, непроизвольно и, может быть, совершенно неожиданно за портретом героя или героев, созданных пером Евгения Степанова, появляется... нет, не он, вернее, НЕ ТОЛЬКО он, Евгений Степанов. Перед нами за время прочтения книги встает образ современника, МОЕГО современника, а иногда между строк я невольно узнавала судьбу, похожую на мою собственную.

Безусловно, путешествовать во времени и пространстве вместе с автором и его героем по местам, где ему не только были навеяны те или иные строки стихотворений, но где ему приходилось жить и страдать, пусть это был даже САМ Париж, или САМ Нью-Йорк, и не проводить аналогий не только со своей собственной судьбой, но и с судьбой многих своих друзей и знакомых – я не могла. И не просто потому, что кому-то ещё, кроме Евгения Степанова, было также одиноко в Париже, а просто потому, что каждому из нас, уехавшему в это самое время из голодной и безумной России, будучи полным сил и желаний совершить в этой жизни что-нибудь героическое на благо любимой Родины, было одиноко в своем отдельно взятом Париже или отдельно взятом Нью-Йорке:

Одиночество
– В Париже зимуешь?
Поди же.
Хорошее, значит, житье.
Кого же ты встретил в Париже?
– Я встретил себя самое.
И стала острее, чем пиранья,
Садистская пика стыда.
Нет, лучше бы, лучше бы, право,
Себя не встречать никогда.

1997

Согласитесь: мало кто из уехавших за границу в поисках нового счастья и новой Родины мог откровенно признаться друзьям (не говоря уже о выворачивании души

наизнанку в стихах) о том, кем и, главное, КАК он существует в казавшемся ранее безоблачном, заоблачном заграничном рае. Вот такой меблированный номер рисует нам Евгений Степанов:

Тараканов красных полчище
Наступает, входит в раж.
Бар внизу гудит, грохочуще,
Наверху – араб-алкаш.

1997

А вот откровение, которое как ножом по сердцу режет душу каждому, побывавшему в незавидной роли эмигранта:

Резким движением, резким
Я поменял маршрут.
С кем пообщаться? Не с кем.
Не с кем общаться тут.

1997, ул. Бургон

И, тем не менее, не очерствела душа, не ожесточилась, хотя пелена спала и последние иллюзии растаяли вместе с предрассветным парижским туманом. Но теплотой и любовью пропитаны строки, посвященные городу, который все же приютил и не дал сгинуть. Дал возможность выжить, чтобы вернуться. Вернуться обратно. На Родину.

Два стихотворения

1.
Неужто я мечтал о том,
Что мне отныне так знакомо?
Париж – «рг»-овский фантом.
Я больше не фанат фантома.

Но видит Бог – любви калитка
Распахнута – люблю Париж.
Не тот, который на открытках,
А тот, который в сердце лишь.

2.
Люблю Париж трущоб родимых,
Мощеных, замкнутых дворов.
Как ни пижонь, как ни хули их,
А мне они дарили кров.

1998

Родившиеся в России во время «хрущевской» оттепели, мы вобрали в себя дух свободы, открытости и... романтизма. За «прожитые» во время чтения «Портрета» вместе с героем без малого 15 лет, я смогла проследить метаморфозы, произошедшие с ним за это время, и убедиться в том, что ни время, ни пространство, ни материальное положение не

властны ни над ним, ни над нами: мы остались все такими же – честными, беспристрастными и самокритичными.

Такими мы были:

Не льстился на елей – любой.
Не верил ничьему злословью.
Я был распят – самим собой.
Своим грехом. Своей любовью.

1995

Такими мы стали:

Хищный взгляд и пасть бульдожья
И деньжонок до...
Неужели это рожа
Отражается моя
Фабрикантик фабрикантик
Много дел и много тел

А талантлик а талантлик
Точно фантик улелел

2005

Или, вот ещё одно стихотворение, написанное, всмотритесь, 8-мью годами раньше. Но всё также честно, прямолинейно и бескомпромиссно. Адресует их автор не кому-нибудь – самому себе:

Почести, счета, просчеты, счета.
Жалкая лажа – земная тщета.
Сколько до финиша? Сущая малость.
Главное – чтобы осталась чиста
Совесть – да вот не осталась.

1997

Согласитесь, нелицеприятный получается портрет. И, увы... узнаваемый. Портрет нашего поколения.

Так кто же мы – неудачники?! Разуверившиеся в существующем миропорядке, доживающие свой век отшельниками последние романтики?!

письмо себе – по интернету
и телефон – в субботней спячке
и другарей надежней нету
чем верные друзья-болячки
и ходишь бледный точно творог
по золотой квартирной клетке
и знаешь что когда за сорок
то развлеченья слишком редки

а все же плакаться негоже
а почему да потому же
и рано жизнь еще итожить
и раны быть могли похуже.

2006

Или... достижения материального благосостояния и занявшие хорошо оплачиваемые должности, но так и не сумевшие найти места мятущейся в своем одиночестве душе ни на карте мира, ни в окружающей нас действительности?

Машина офис секретарши
Клиенты брэнды very well
Я стал и денежней и старше
Но кажется не поумнел.

2005

Нет нужды говорить о том, что кризис среднего возраста – это еще одна (для многих, увы, первая) отправная точка для переосмысления собственной прожитой жизни и попытки понять истинное свое предназначение. В такие периоды зеркало – последнее место, куда хочется смотреть. Ведь именно там, в зеркале, и нигде больше, есть стопроцентная вероятность увидеть истинного себя. Вот такое волшебное зеркало удалось создать Евгению Степанову – без прикрас, без ретуши и самолюбования, преломив через свою собственную судьбу, создать портрет целого поколения, юность и молодость свои встретившего таким образом:

Эскалатор. Печаль
Городской народ
По делам спешит.
Кто-то вверх идет.
Кто-то вниз бежит.
Кто-то увидал
Два зрачка родных.
Больше никогда
Не увидит их.

1987

А зрелость свою, незаметно переходящую в старость, принять в свои объятья безропотно и безапелляционно так:

Дружить по телефону
Любить по мылу
И в общем потихоньку
Сходить в могилу.

2003

Почему так грустно и безысходно? Ведь было же в середине пути что-то? Безусловно, было. Хотя бы – вот это:

Я был – как бес – богат вполне.

Я был – как бомж – на самом дне.
Но огненный незримый столп
Не затухал ни дня во мне.

1995

Так куда же он делся – этот незримый столп? Что позволило ему затухнуть? Или КТО посмел его потушить? Помните, я упоминала зеркало, последнее наше пристанище? Если не побоитесь заглянуть в него поутру, уверяю вас, вы найдете ответ на этот вопрос ТАМ.

Поэтому так искренне больно звучит «Главное стихотворение автора», рефреном ни много ни мало, в количестве 10 раз повторяющее с новой строки одно-единственное слово: ПРОСТИТЕ.

«Что такое хорошо, и что такое плохо?», или Негламурный Степанов

Евгений Степанов «Застой. Перестройка. Отстой». М.: Вест-Консалтинг, 2009.

Изданный не слишком большим на сегодняшний день тиражом в 1000 экземпляров, роман Евгения Степанова «Застой. Перестройка. Отстой» сразу привлекает читателя своей искренностью. Там нет выспренности и претенциозной туманности, которую так любят напускать в свои произведения современные авторы, да там еще много чего «не»... Доискаться до истин можно обычным и таким сложным путем – не врать, и Степанову это удастся. Его герой Евгений Викторович Жарков, фигура в некотором роде автобиографическая, без ложной стыдливости рассказывает о том, что он и взятки брал, и откаты, работая в одной весьма примечательной фирме «Страхуй». Не мизантроп, а вполне обычный человек, со своими слабостями и недостатками, но и со своими достоинствами.

Роман Евгения Степанова вряд ли полюбится снобам и интертекстуалам, которые сочтут автора сильно опростившимся и на сегодняшний день не модным, не гламурным. А он и негламурен! Отнюдь. Он таков, как есть, и в этом его достоинство.

Через все повествование проходит одно из главных (и опять-таки не модных!) его достоинств: любовь к жене и дочери, такая трогательная, ранимая, человеческая, что хочется непременно сказать о том, как важны эти чувства в потерявшем человеческий облик, жестоким мегаполисе.

В романе нет ненужных мелочей, а любые подмечаемые и любовно выписываемые детали – приметы своего времени, перестроечного, отстойного, непростого. Степанов – серьезный писатель, хотя шуток и искрометного юмора в романе предостаточно. Серьезный прежде всего тем, что стремится сохранить приметы времени для потомков, описать жизнь такой, какая она есть, без приукрашивания, охов и обильного слезотечения. Он не рассуждает о том, что хорошо и что плохо, не выдает ненужный сентенций и философствований, не пытается навязать читателю лирические философствования о смысле жизни и дальнейшем пути развития страны, в которой ему посчастливилось (ли?) родиться, он просто описывает то, что видит и переживает, испытывает на собственном опыте. Любая книга вызывает самое различное мнение о ней критиков – от восторгов до полного неприятия и антипатии. Это писательская судьба. Думаю, что этот роман нужно судить гораздо шире: не только исходя из его литературных достоинств, но и из того, что она в конечном итоге даст читателю. Уровень восприятия текста романа имеет несколько слоев, и слишком «снисходительный» читатель вполне может и не уловить потаенной улыбки автора.

Не слишком ли замахнулся автор, забрызжит дотошливый критик, описывая целых три эпохи российской действительности? Тут тебе и сценки из сельской жизни обыкновенного учителя, и психушка, а потом еще тюрьма, афганские изломы судеб, интриги рекламнополитической жизни и эмиграция... Чего столько понаместал?

«Да, вот жизнь такая получилась, – может просто развести руками автор. – Что уж тут поделаешь?» И будет абсолютно прав. Самое главное, что книга эта осмысленная, написанная не как горячий пирожок за месяц-другой, а выстраданная и прожитая.

В конечном итоге там нет ни поражений, ни побед, поскольку это значительно бы сузило ее ценность и цельность, придало бы ей некое фальшивое послевкусие, обычно остающееся после дешевого напитка. Но...

Но... Именно в том-то и заключается дар настоящего писателя и порядочного человека – дар писать искренне, просто делая каждый день то, что ты должен делать.

Евтушенко сегодня...

20 декабря 2005 года прошла встреча поэта Евтушенко со студентами Литературного института имени Горького в Москве. Актальный зал был полон. Люди стояли даже в проходах. Непрерывно сверкали вспышки фотоаппаратов, стараясь заснять жизнерадостную улыбку известного поэта. Представила поэта известная поэтесса и руководитель творческого семинара поэзии в Литинституте Олеся Николаева. Евгений Александрович покорила всех своим жизнелюбием, простотой в общении и стремлением не покрасоваться на публике, а услышать стихи из уст молодого поколения, грядущего на смену таким титанам, как он сам и его коллеги по перу. Это стремление и отказ от чтения своих произведений сразу расположили к нему, так же как и его улыбка, шутки и открытость. Тут же, в стенах Литинститута, состоялся своеобразный мастер-класс, преподанный поэтом будущим писателям. Четко и быстро указывал Евгений Александрович на недостатки того или иного стихотворения. Его профессиональная внимательность и цепкость тут же находили фальшь или ошибки, а замечания заставляли совершенно ясно и четко понять огрехи. По достоинству оценивал и хвалил он хорошие стихи, прося оставить их ему для внимательного чтения. Как жаль, что он не преподает в Литинституте! Его лекции собирали бы целые залы всегда, потому что такой высочайший профессионализм и умение объяснять очевидное – дело избранных, одаренных талантом Учителя, Мастера, Профессионала. Работоспособность и высокий темп жизни выдают в нем человека цельного, собранного, сосредоточенного на главном и поистине влюбленного в русскую литературу и в русское слово. Поэт работает сейчас над составлением великого труда – «Десяти веков русской поэзии», продолжая свой титанический труд. Уже неоднократно им составлялись различные антологии советской и русской поэзии, но удивительно чистая и восхищенная талантами русского родного народа душа поэта требует подарить миру то прекрасное, что было создано до него и в его время.

Несомненно, Евгений Александрович – человек огромной творческой энергии и потенциала, человек искрящийся, что привлекает к нему друзей, коллег и почитателей. В его неповторимом артистизме и обаянии убедились участники встречи, читая ему свои стихи, задавая вопросы, иногда даже провокационные. Позиция поэта четка, тверда и ясна: «У вас не должно быть чужих стихов. Все поэтики – это всё ваши инструменты в огромной мастерской». Поэт гневно говорит о том, что нельзя опускать руки, видя, как уничтожается литература циниками от словоблудия и анархии. «Мы имеем отношение ко всему, что случилось в нашей стране, чужого нет ни в одном поколении», и мы в ответе за это, все мы. Евтушенко призывает работать над собой, над словом, над мыслями, не халтурить, а точно и четко сознавать свою гражданскую позицию и то, что каждый человек живет в социуме и несет ответственность перед грядущими поколениями за состояние русской культуры, за сохранение традиций.

Не обошлось без разговора и о сериале «Сергей Есенин». Поэт осудил такую трактовку образа Есенина, сетуя на то, что мир увидит не реального Есенина, а, в первую очередь, пьяницу и дебошира.

После, уже в конце встречи Евгений Александрович согласился прочитать несколько своих новых стихов. Обсуждая с друзьями эту встречу, мы пришли к выводу, что она много дала нам в плане критики по отношению к себе, какой-то новой ясности сознания для дальнейшего творческого роста. В прессе и разговорах многих литераторов высказываются мнения о том, что Евтушенко конъюнктурщик и халтурщик, но личное общение с этим человеком сразу разрушает это навязанное извне представление о нем, так как такая позитивная энергия может происходить только от очень открытого, талантливого и благожелательного человека. Так что действительно лучше один раз увидеть и пообщаться, и понять, кого ты

перед собой видишь, чем семь раз услышать и составить себе, может быть, в корне неверное мнение. Мы встретили Евушенко по одежке: ярко-красной, стильной, свободной и жизнерадостной, встретили с некой долей настороженности, но проводили его по уму – аплодисментами и почтением перед настоящим Мастером.

Пророческие сны

Этот год (2006 г. – прим. авт.) для всемирно известного режиссера Романа Виктюка юбилейный. Во-первых, режиссеру исполняется 70 лет, а во-вторых, – десять лет первому частному театру, созданному Романом Виктюком в новой России. К своим юбилеям Роман Григорьевич не только восстанавливает своих знаменитых «Служанок», но и создает «Некоммерческую организацию Благотворительный фонд поддержки и развития творчества Романа Виктюка», который будет заниматься и просветительской деятельностью: организацией семинаров и мастер-классов при участии великого маэстро и его труппы, а также художественных выставок, гастролей, фестивалей и конкурсов. Кроме этого поклонников его таланта ждут новые спектакли, в 2006 году на сцену выходят «Непостижимая женщина, живущая в нас, или Любовные игры» (Ханоха Левина), премьера которой состоялась в театре Моссовета, и «Масенькие супружеские преступления» (Запольской), которые ожидаются в конце октября на сцене МГАДМТ им. Натальи Сац.

Спектакль «Служанки» был поставлен в 1987 году на сцене театра «Сатирикон», показан уже более чем в 30 странах и принес Роману Виктюку всемирную известность и славу, временами скандальную. Единственное, что можно сказать с уверенностью, – равнодушных нет. Есть те, кто принимает позицию, философию, способы выражения и т. д. Романа Григорьевича, а есть те, кто отвергает подобное мировоззрение, причем отвергает неистово, пугаясь той откровенной нетрадиционной сексуальности и эпатажности подаваемого блюда. Известный театральный мастер, возмутитель общественного спокойствия, экспериментатор Роман Виктюк в очередной раз доказывает нам, что возраст человека – это не главное, вся суть в твоей душе, в твоей интеллектуальной силе, в неисчерпаемости духовного поиска, который и составляет истинную жизненную искру. Человек жив и молод только тогда, когда он познает мир, и познает его через любовь. Режиссер уверен в изначальной андрогинной сущности человека, в нераздельном слиянии мужского и женского начал в едином организме, в том, что только взаимопроникновение этих начал и дает истинную гармонию и понимание мира и того космического, чего и жаждет человек. Он не стремится эпатировать публику, это не есть его цель, просто те средства, которые он применяет в спектаклях, противоречат той, привитой соц. государством морали, и что же делать, если именно так необходимо играть, чтобы нащупать те тонкие грани бытия, те философско-мистические линии, которые более всего похожи на прозрения... Надо доходить до юродства, до сумасшествия, чтобы дыхание жизни и смерти коснулось тебя в едином выдохе словом «Любовь».

Роман Григорьевич в различных своих интервью уже говорил о том, что ему снились пророческие сны, которые потом сбывались. Это не удивляет, потому что творческих людей подобные прозрения сопровождают постоянно. Замечательна и необыкновенна, пронзительно правдиво история о том, как на репетиции в театре Леси Украинки на Украине приходили крысы и рассаживались в уголках, чтобы посмотреть на игру актеров, послушать музыку Моцарта к спектаклю. Несмотря на свою нынешнюю известность и благосостоятельность, Роман Григорьевич по-прежнему остается открытым и душевным человеком. Одна из его учениц, режиссер Гульнара Галавинская, говорит о том, что этот удивительный человек относится к своим ученикам как к собственным детям, и ругая их и хваля, но никогда не унижая и не оскорбляя, именно поэтому ученики и боготворят своего Мастера, доверяют ему, восхищаются им, потому что он никогда их не предаст. Постановки Виктюка – яркие, постоянно удивляющие смелыми инновациями и неожиданными трактовками образов, вызывают бурные дискуссии и ожесточенные споры. Некоторые театральные критики боготворят Виктюка и превозносят его талант, другие ненавидят и обвиняют в бездарности, однако на протяжении многих лет переполненные залы театров во время спектаклей

этого скандального режиссера – лучшая рецензия на его постановки. Спектакли Виктюка – о любви в самых разных ее проявлениях, об одиночестве, о тайнах жизни и непостижимости бытия. Первые спектакли Виктюка шокировали: в них переодетые мужчины играли женские роли, откровенно пропагандировалась однополая любовь, нарушались законы общепринятой морали. Характерные черты постановок Виктюка – разнообразие музыки и танца, изысканная пластика исполнителей, полуобнаженные актеры, вызывающие костюмы и сцены на грани эпатажа. Однако вместе с тем многие критики отмечают, что Виктюк в своих спектаклях затрагивает серьезные философские вопросы, предлагает по-новому посмотреть на природу человеческих отношений, тонко проникает в суть произведений, на которых основаны его сценические работы.

Роман Виктюк – единственный из режиссеров иностранного происхождения, награжденный международной премией Института итальянской драмы за лучшее воплощение современной драматургии (1997 год). Он также является обладателем многих российских и зарубежных премий, которые вручаются за успехи в области театрального искусства. Роман Виктюк стал автором более 120 постановок, и с 1997 года Союз театральных деятелей Украины рекомендует его к присвоению ему звания народного артиста Украины. Среди особо известных спектаклей Виктюка – «Служанки» по мотивам произведения Жана Жене, «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова, «Давай займемся сексом!» Валентина Красногорова, «Саломея» Оскара Уайльда и многие другие.

Эстетика Романа Виктюка проста и невероятно сложна одновременно. Наивная любовь и доверие к людям, незамечание зла и нестигаемая воля, ведущая по собственному пути, с которого не могут заставить свернуть ни ханжество, ни закоснелая мораль, ни что-либо другое. Свобода, но не навязывание своих принципов, интеллектуальное, порой даже детское любопытство и жажда познания, красота мира в искусстве жизни, чувственные провокации – магия искусства ритуалов и тайнств Виктюка. Физиология и сексуальность неотделимы от духовности, так как это совокупность энергетики мира, составляющая единое целое, это то высшее и трансцендентное, что веками ищут монахи, философы, психологи и просто люди. Те, кто не боится откровений великого Мастера, приходят на его спектакли снова и снова, отдавая дань тому истинному и вечному, что выходит на сцену благодаря его гению, ну а те, кто боится посмотреть в свое «Я», будут по-прежнему отрицать все, что связано с именем Романа Виктюка, и это тоже их право и их путь. Я же хочу поздравить Романа Григорьевича с двумя юбилеями и пожелать ему и дальше жить так же ярко и полноценно, как сейчас, радовать своих почитателей новыми спектаклями, учеников – своей силой и духовным светом, и не иметь равнодушных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.